

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

© 2015 г.

*В.И. Каширин,
О.В. Каширина*

**СТАНОВЛЕНИЕ
МОЛОДЕЖНОЙ ЭКСТРЕМОЛОГИИ
В СТРУКТУРЕ
ГУМАНИТАРНОЙ КРИЗИСОЛОГИИ**

Каширин Валерий Иванович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института повышения квалификации Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

Каширина Ольга Валерьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, e-mail: okashirina@mail.ru

Аннотация. Авторы продолжают развивать идею о востребованности современной метанауки и философии социальных наук, которую они называют гуманитарной кризисологией. По их мысли, такая метанаука может основываться на диалектико-триалектической методологии и культурно-временном подходе. В статье показывается необходимость спецификации молодежной экстремологии в качестве составной части гуманитарной кризисологии как оппозиции теории и практике современного экстремизма. Предлагается также молодежную экстремологию классифицировать как часть теории информационной безопасности.

Ключевые слова: гуманитарная кризисология, молодежная экстремология, культурно-временной подход, информационная безопасность, сетевые войны.

Молодежная экстремология как ответ на требование информационной безопасности

Молодежная экстремология как часть гуманитарной кризисологии появилась в ответ на «требование времени» обеспечить информационную безопасность – «защищенность информационной среды личности, общества и государства от преднамеренных и непреднамеренных угроз и воздействий» [2, с. 59–60]. Это требование относится ко всем слоям российского общества, но прежде всего к транзитивной, возрастной группе, малоопытной и требующей особого внимания со стороны общества – к молодежи.

В российской гуманитаристике молодежная экстремология может занять достойное место и как часть развивающейся науки о молодежи – ювенологии [11], и как часть метанауки – гуманитарной кризисологии, и как часть общей науки об информационной безопасности людей в информационных потоках и полях.

Впервые обобщил уже имеющиеся в российской научной литературе описания, относящиеся к рождающейся новой универсальной дисциплине – *экстремологии* как «общепризнанному универсальному учению об экстремумах, которому предстоит сформироваться достаточно скоро» [10, с. 108–142]. Он подчеркивал, что понимание *экстремизма* фиксирует всякое изменение в природе, обеспечивающее *минимальное* или *максимальное* значение некоторой величины этого изменения. Появилось оно давно, в связи с тем, «что повсюду природа действует согласно принципу максимума или минимума». Экстремальным при этом может быть или максимальное, или минимальное значение параметра в зависимости от специфики системы. В большей степени это отмечается в неживой и живой природе. В биологии реальное наблюдение экстремальных принципов, обеспечивающих организму максимум шансов на *выживаемость*, привело к выдвиганию принципа *оптимальной* конструкции биосистем, позволяющего расходовать доступные ресурсы экономично [12]. В социальном познании эти проблемы имеют место в ряде специальных дисциплин: «теория принятия решений», «исследование операций», «системный анализ». А.А. Крушанов указывает на имеющиеся публикации по исследованию экстремумов и оптимумов [1], в которых проявляется постепенная, но прогрессирующая консолидирующая динамика, и «со временем все наличные данные обсуждаемого рода будут обязательно интегрированы в едином массиве знания».

В социальном познании такая консолидирующая динамика учения об экстремумах проявляется в формировании молодежной экстре-

мологии, акцентирующей внимание на юношеском максимализме и его необходимых связях с принципами оптимизации и поведения, и деятельности молодежи.

Исследователи в молодежной среде отмечают, что в настоящее время наблюдается еще мало изученная в России *тенденция мутирования патриотизма в шовинизм, экстремизм и национализм* [4, с. 8]. Эта тенденция явилась, на наш взгляд, следствием гротескных форм темпорального расщепления духовного мира, наступившего в результате как глобальных геополитических событий, так и духовно-нравственного состояния постсоветского общества. Однако с присоединением Крыма к России в молодежной среде указанная тенденция мутирования патриотизма в экстремизм резко снизилась. Появляются чувство гордости за свою Родину, осознание роста могущества нашей страны, стремление к консолидации общества. Но с другой стороны, за 20 лет постсоветской власти не созданы по-настоящему эффективные механизмы патриотического воспитания всех групп и возрастов молодежи. Не созданы и по-настоящему надежные исследовательские востребованности и предпосылки для осмысления этой «неожиданно» возникшей проблемы. И пока государство ищет деньги на издание специальной литературы по патриотизму, шовинизму и экстремизму, на организацию органов молодежной печати в Москве и регионах, журналов и газет специально для молодежи – патриотической, а не сексуальной направленности, в молодежной среде уже разразился *острый кризис духовной самоидентификации и самоутверждения*, связанный с проникновением в нее бытового шовинизма и экстремизма. Появляется острая потребность в разработке молодежной экстремологии как оппозиции теории и практике экстремизма и шовинизма.

Когда французский солдат Н. Шовен, ветеран наполеоновских войн, создавших «величие» Франции, произнес ставшую крылатой фразу *«Французы лучше всех, все хуже французов»*, он еще не знал, что найдет себе миллионы поклонников – выразителей крайне агрессивной формы воинствующего национализма: *великодержавного шовинизма, бытового шовинизма, джингоизма*, проповедующих национальную исключительность, противопоставление одной нации всем другим, распространение национального чванства, разжигание национальной вражды и ненависти. Словом «шовинизм» стали обозначать различные проявления националистического экстремизма сторонниками крайних взглядов и мер в политике.

В молодежной среде экстремизм находит опору в присущем молодежи максимализме – в чрезмерности, неосторожности, крайности во

взглядах, требованиях, проявлениях. Максимализм на почве бытового шовинизма способен расщепить внутренне время, расколоть духовный мир молодого человека, отравить его непониманием целесообразности тех или иных национальных норм поведения, традиций, обычаев.

Экстремизм (лат. *extremus* – «крайний») – приверженность к крайним взглядам, мерам обычно в политике, религии и др. Экстремизм не исчерпывается только его политическими и религиозными формами. Нередко под экстремизмом понимают деятельность и специфический жизненный стиль некоторых групп людей, творящих собственную характерную культуру и «символический мир», которые решительно противостоят нормам общества и доминирующей культуры [5]. Экстремизм конституируется чаще всего как характеристика группового молодежного сознания.

Различают бытовой и государственный экстремизм, которые отличаются не только сферами их проявления, но и своими истоками, способами генерирования экстремизма как формы общественного (экстремистского) сознания. Бытовой экстремизм, встречающийся довольно часто в отношениях между цивилизационными субъектами (личностями или социальными группами любого масштаба), генерируется некоторыми постоянными факторами человеческого развития, искаженно отражаемыми в молодежном сознании. Важнейшим из них является антропологический фактор, базирующийся на трех естественных основаниях: 1) различиях между мужчинами и женщинами, определяющих различия в положении полов в экономике, политике, в быту и т.п., которые лживо интерпретируются, например, как эволюция мужского доминирования – мужского шовинизма или женского протеста – радикального феминизма; 2) этнических различиях, интерпретируемых информоружием в форме радикального национализма и этнических конфликтов; 3) межпоколенных различиях (конфликт «отцов и детей»), специально раздуваемых манипуляторами молодежного сознания как противоречия трех поколений, стимулируя появление разнообразных молодежных субкультур и контркультур (хиппи, панков, скинхедов, рэперов и т.п.).

Помимо искаженного антропологического фактора, экстремизм (бытовой и государственный) генерируется ментальным фактором, основанным на групповом нарциссизме и групповой нетерпимости, порождающих экстремизм «плоти и крови», который, как правило, воспроизводится в сетевых войнах авторскими идеями харизматических лидеров, пророков, философов.

Фундаментальной причиной государственного экстремизма является социальный фактор, особенно в обществах, организованных иерархическим способом, что порождает насилие, жестокость, эксплуатацию человека человеком. К типичным социальным группам, воспроизводящим экстремистские взгляды, относятся: а) влиятельные группы, рвущиеся к власти; б) аутсайдерские группы, ненавидящие господствующий социальный порядок и пытающиеся перевернуть его; в) критически настроенные интеллектуалы, негодующие на социальную несправедливость и конформизм. Экстремизм (бытовой и государственный) часто провоцирует конфликты и кризисы, опираясь на агрессивность сознания и самосознания молодежи.

Почему же гуманитарная кризисология и молодежная экстремология, несмотря на всю многоплановость и сложность конфликтно-кризисных процессов, относятся к общей теории информационной безопасности? На наш взгляд, это определяется важными обстоятельствами, *во-первых*, вековая практика антикризисных мер показывает, что любые причины и последствия кризисов и конфликтов – позитивные или негативные – всегда и обязательно имеют информационный характер, сказываются как на нынешнем состоянии сторон, так и на их судьбе. А в концепции *сетевизма* информационные предпосылки и последствия операций сетевой войны, как мы увидим далее, имеют первостепенное значение, поскольку основой всех сетевых войн является проведение операций, базирующихся на эффектах (ОБЭ). Такой операцией был, например, киевский «евромайдан», годовщину которого праздновали 21 ноября 2014 г. как День достоинства и свободы.

Эти операции, имеющие характер провокаций, базирующихся на информационных эффектах манипуляции общественным сознанием, имеют откровенно агрессивный и экстремистский характер. Именно они и являются основным предметом гуманитарной кризисологии и молодежной экстремологии.

Во-вторых, в философских и гуманитарных исследованиях российская безопасность все больше трактуется как безопасность от выпадения в маргинальное положение в эпоху глобализации. Путь к безопасности многие ученые видят в модернизации, предполагающей коллективную мотивацию. Однако сплоченность вокруг общей идеи таит в себе и опасность «усредненности в шариковых». Наше политическое прошлое служит напоминанием о значимости индивидуального выбора, личных усилий к совершенствованию. Губительными последствиями в будущем обернется и политика в образовании, ведущая к недооценке гуманитарных дисциплин, формирующих человека как

творческую и морально ответственную личность, а не просто как конкурентоспособного субъекта [14]. Мало того, целая группа философов и гуманитариев очень остро поставила проблему социальной архаизации в структуре цивилизационного развития России. Они отстаивают главный тезис: социальная архаизация – один из процессов, неизбежность которого диктует необходимость поиска новых путей и иного содержания управления социальными процессами, поскольку «общество стало на путь широкомасштабной архаизации. И все управление ими свелось именно к управлению архаизацией» [13]. Гуманитарная кризисология и молодежная экстремология, на наш взгляд, обнимают и эту группу проблем маргинализации и архаизации общества как проблем общей теории национальной и информационной безопасности.

Итак, молодежная экстремология как часть гуманитарной кризисологии имеет определенную теоретическую базу, чтобы интегрировать требование информационной безопасности молодежи и отразить экстремизм концепции сетевизации и сетевых войн.

Экстремизм американских сетевых войн

Понятие сетевого общества имеет корни в технических науках. Сеть – это совокупность объектов, связанных друг с другом многонаправленными линейными (метричными) зависимостями. Внимание к понятию сети связано непосредственно с широкой разработкой систем электронной коммуникационной связи. Однако должна была появиться мощная глобальная сеть, чтобы убедиться, что все общество отныне пронизано малыми и крупными сетями и является по своей сущности сетевым. Для философа и социолога, да и вообще для гуманитария, важно подчеркнуть: множество пользователей коммуникационной сети таит в себе опасность множественности смыслов и, следовательно, резко увеличивает технические возможности манипуляции сознанием людей. Сетевизация превращает общество массовых коммуникаций в общество «знаний массового поражения», что манифестируется в сетевых войнах.

Современные «стратегии» американских сетевых войн не скрывают, что в проводимой против России войне «экономических санкций» преследуется цель вызвать недовольство населения и направить его против режима Путина. За экономическими санкциями стоят далеко идущие экстремистские цели свержения российской власти. Однако на состоявшемся 21 ноября 2014 г. форуме движения стратегических инициатив отмечалось, что экономические санкции против стабильной, поддерживаемой народом власти рожают новые возможности

российской экономики, которые могут бумерангом отразиться на вводящих эти санкции странах.

Молодежная экстремология как наука может вобрать в себя ту часть уже разработанных теорий и практики противодействия экстремизму, которая, интегрируя и обобщая их, может создать теоретическую базу не только для противодействия сетевым войнам, но и для профилактики, и просветительской работы среди населения, в том числе молодежи. По существу молодежная экстремология является пограничной теорией между гуманитарной кризисологией и войнологией, которая раскрывает социальную сущность современных американских сетевых войн.

Одним из энтузиастов создания в России новой науки – войнологии, в которой профессионально изучаются войны как особые объекты, был выдающийся русский философ, социолог, логик и писатель А.А. Зиновьев (1922–2006). Он считал, что холодная война была третьей мировой войной Запада, возглавляемой США, против СССР и советского блока. Она постепенно переросла в мировую войну нового типа, которую он называл «теплой войной», или глобализацией. «Социальная сущность глобализации, – писал он в 2001 г., – состоит в том, что это – самая грандиозная спланированная и постоянно планируемая в деталях и управляемая в основных аспектах война западного мира не просто за мировое господство, а за овладение эволюционным процессом человечества и управление им в своих интересах» [7].

Эту войну исследовал известный российский политолог и психолог И.Н. Панарин. В своей книге «Первая мировая информационная война. Развал СССР» он делает следующие сенсационные выводы: 1) нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. поддерживалось британской разведкой; 2) высадка союзных сил в Нормандии – крупнейшая дезинформационная операция XX в.; 3) британская империя рухнула в 1946 г., благодаря умелому ведению информационной войны генералиссимусом Сталиным; 4) приход к власти Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева – спланированная акция зарубежных спецслужб; 5) ГКЧП был последней попыткой Горбачева сохранить свою власть. В этой книге приводится структура механизма информационной войны против СССР с целью поддержки М.С. Горбачева, которая была разработана при личном участии президента США Р. Рейгана и которая свидетельствует о том, что информационной войной серьезно занимались чиновники самого высокого ранга. Поэтому никаких неожиданностей в процессе развала СССР не было, как иногда пишут авторы. Все было спланировано заранее, включая «обработку» М.С. Горбачева

и Б.Н. Ельцина. Об этом пишут и американцы: Родрик Брейтвейт (бывший посол Великобритании в СССР), Джек Мэтлок (посол США), Струоб Тэлботт (заместитель госсекретаря США) [3].

О сетевых войнах в российской печати очень мало публикаций, возможно, потому, что большое количество информации о них считается секретной. Дело в том, что теория сетевой войны, разработанная Пентагоном, исходит из того, чтобы обеспечить развертывание основных глобальных процессов в интересах США. Специфика сетевой войны состоит в том, что она ведется постоянно и непрерывно не только против врагов, какими для США являются страны *оси зла* – Иран, Северная Корея, Сирия и т.д., но и против нейтральных, таких как Россия, Индия, Китай, и даже против союзников, таких как страны Европы и Япония.

Одним из немногих изданий, которые разоблачают методы ведения сетевых войн США, является всероссийский журнал «Изборский клуб» (главный редактор и председатель Изборского клуба А.А. Проханов). В журнале периодически публикуются доклады российских ученых, философов, политологов, юристов по злободневнейшим вопросам развертывания американских технологий ведения сетевых войн. Так, в журнале «Изборский клуб» № 6 за 2013 г. опубликован доклад «Организационное оружие. Функциональный генезис и система технологий XXI века». В нем авторы д.ю.н. В.С. Овчинников, д.ф.н. И.Ю. Сундиев поместили разделы: «Понятие и генезис организационного оружия», «“Цветная революция” как система технологий применения оргоруужия», «Методы противодействия технологиям “цветных революций”».

В Интернете помещен новый доклад Изборскому клубу А. Дугина при участии В. Коровина и А. Бовдунова «Сетевые войны». В докладе указывается: «Целью сетевой войны является не победа над противником в прямом столкновении – это лишь небольшой фрагмент сетевой войны, – но установление и поддержание контроля над всеми составными, в том числе над союзниками. Этот контроль реализуется самыми различными способами, но главным образом за счет разнообразных сетей, построенных по алгоритму, разработанному американскими стратегами... Защита сетевого кода, с помощью которого лавины сетевой информации дешифруются и структурируются, – одна из главных задач сетевой войны» [6].

В реальности сетевые модели имеют прямое отношение к распространению деструктивных моделей, разрушающих порядок государства. Например, модель сетевого «оранжевого» неофашизма на Ук-

раине, который перетекает в органы власти этого государства – в Кабинет министров, Администрацию Президента и Верховную раду. Под воздействием расплзающихся деструктивных установок происходят легализация и усиление влияния неонацистских организаций, за которым мы наблюдаем с тревогой.

Опыт происходящих на Украине событий для населения России, особенно для широких кругов молодежи, говорит: нужна не такая идеологическая обработка, которая в современных условиях может привести молодых людей только к двум выводам: «валить из России» или «вступать в руководящую партию, вписываться в систему, чтобы ее разрушать». Нужна хорошая воспитательная работа (от которой нас отучают уже более 20 лет) среди школьников, студентов, в молодежных субкультурных образованиях, в домашних условиях – работа по привитию потребности самостоятельно, творчески мыслить, самоопределяться, самореализовываться на основе российского и ноосферного патриотизма [9], цивилизационного выбора «правильности» пути в стратегическую перспективу. Поэтому одной из частей школьного и вузовского учебников по гуманитарной кризисологии мы видим раздел «Молодежная экстремология как противодействие сетевым войнам: методология и практика».

Молодежная экстремология: противостояния современной американской сетевой войне

Проблему противостояния американским информационным сетям можно сформулировать как проблему нейтрализации последствий американских операций, базирующихся на эффектах (ОБЭ), и одновременно достижения эффективности собственных евразийских сетей. Поэтому выработка научно и практически обоснованных алгоритмов поведения в сетевой войне, отвечающих американскому вызову, – это срочная, чрезвычайной важности, коллективная и постоянная работа российских Вооруженных сил, спецслужб, политических, научных и образовательных институтов, информационных систем, коммуникаций и т. д., которые имеют возможности и должны объединиться в разработке проблем молодежной экстремологии. Эти проблемы, на наш взгляд, имеют три аспекта: а) *теоретико-методологический*, касающийся применения теории культуры времени и культурно-временного подхода на основе диалектико-триалектической парадигмы к расшифровке ОБЭ ризоматического типа; б) достижения *смысловой времяцелостности* пространственного «плато» и устранения синдрома «разрыва времен»; в) *идейно-теоретический аспект* цивилизационного творчества в поиске «правильности» пути самоопределения, самореа-

лизации, укрепления государственного суверенитета на основе российского и ноосферного патриотизма. Теоретико-методологический аспект раскрывается на основе концепта диалектико-триалектической парадигмы, в которой применительно к анализу ОБЭ ризоматического типа диалектическое противоречие макроструктур «стебля» (например, иерархии и энтропии) сочетается с триалектическим (взаимодополняющим, непротиворечивым) взаимодействием микроструктур «мочковатого корня» (например, внутренних, внешних и метавнешних факторов).

Поясним: гуманитарная кризисология и молодежная экстремология различают: а) внутренние – темпорально-смысловые доминирующие интенсивности; б) внешние – ценностные детерминирующие факторы; в) метавнешние – глобальные, переходные условия-ориентации. Все они находятся в триалектической зависимости взаимодополнения и образуют смысловую времяцелостность информационного поля: «целостность настоящего – есть преемственность прошлого плюс целесообразность будущего» (в современном аспекте), или «сегодня – есть вчера плюс завтра» (в повседневном аспекте). Они создают пространственные и временные границы «плато», его «серединную целостность» и «сетевую дистанцию» «разрыва времен» между событиями, поколениями и другими интенсивностями, ценностями и условиями-ориентациями.

В гуманитарной кризисологии и молодежной экстремологии идейно-теоретическую платформу цивилизационного творчества солидарности масс, в том числе молодежи, составляет российский и ноосферный патриотизм. При этом цивилизационное творчество элиты, креативного класса, молодежи понимается на микроуровне как интенсивный поиск «правильности» пути самоопределения, самореализации и укрепления государственного суверенитета, а на макроуровне – согласования стратегии природы и стратегии человечества.

Однако поиск «правильности» пути самоопределения и самореализации молодежи, т.е. ее цивилизационное творчество, происходит под влиянием не только метавнешних условий-ориентаций, к которым мы относим американские сетевые войны, но и внешних детерминирующих факторов, таких как молодежные субкультуры и воздействие на них государственных и общественных организаций [15].

Молодежные субкультуры ФА (фашисты) и АНТИФА (антифашисты), «пацаны» (гопники – от шпаны до братков), а также «скинхеды», «футбольные фанаты», «рэперы» – приходящие на смену гопникам, появляются среди тех, для кого социальные лифты и возможности

подняться со дна городских окраин остаются наглухо закрытыми. Большинство заводов, фабрик, производств, особенно в провинциальных городах, не работают с тех «лихих» 90-х гг. торжества либерал-реформаторов. В начале прошлого века в городах проживали 13 % населения России. В 2010 г. – уже около 75 %. Аналогичный процесс урбанизации прошел и во всех индустриальных странах. В результате изменилась городская культура, оставшаяся почти неизменной в предыдущие 10 тысяч лет. А ведь городская культура оказывает огромное влияние на молодежь. Традиции городской культуры – это максимальное ограничение насилия, торговля, спорт, переговоры, соблюдение ненасильственных норм – общественного престижа предпринимательства, торгово-промышленного доверия и т.п. Однако у нас в процессе урбанизации появилась огромная прослойка, о которой говорят: они стали жителями городов, но не горожанами. Им присущи еще такие практики, как драки парней «стенка на стенку», уличные банды, «волны миграции», разгулы преступности.

В постсоветское время первой на это откликнулась власть, а не «гражданское общество», которое до сих пор находится в зародышном состоянии, хотя имеется богатый советский опыт и опыт участия казаков в охране порядка на Северном Кавказе. Ушли в прошлое публичные лекции, районные библиотеки, кружки, секции, вечерние школы, профсоюзные и комсомольские мероприятия, в том числе ежедневные и праздничные дежурства «бригадмилльцев» (бригад содействия милиции) и ОКО (оперативных комсомольских отрядов).

Современная власть, опираясь на полицию, повсеместно в городах создала специальные отделы противодействия экстремизму (ОПЭ). Создан и в г. Ставрополе краевой отдел противодействия экстремизму в управлении МВД. Но здесь, помимо властных структур, привлекают и общественность – студентов и аспирантов СКФУ, других вузов, казачество, широкий круг исследователей. Создан Ставропольский научно-исследовательский и просветительский центр экстремологии и религиоведения. С его помощью уже подготовлена региональная научно-практическая конференция «Экстремизм на Юге России: причины и профилактика» в г. Невинномысске. Издан сборник материалов этой конференции. В ней приняли участие Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь), Центр противодействия экстремизму ГУ МВД России по Ставропольскому краю, Союз казаков России (Средне-Кубанский отдел Ставропольского казачьего войска), ВООВ «Боевое братство» (Невинномысское городское отделение). Финансировала подготовку конференции и издание материалов админи-

страция города в соответствии с муниципальной программой «Международные отношения и поддержка казачества в г. Невинномысске».

26–27 ноября 2014 г. состоялся III Ставропольский форум Всемирного русского народного собора «Глобальные вызовы – русский ответ». Ключевыми темами форума стали «Русский мир: диалог и конфликты», «Семья: вечная ценность в меняющемся мире», «Русский прорыв к созиданию».

Свой теоретический вклад в этот процесс могут внести гуманитарная кризисология и молодежная экстремология в качестве оппозиции теории и практике бытового и государственного экстремизма, а также в качестве части теорий информационной безопасности, российского и ноосферного патриотизма.

Литература

1. Асеев В.А. Экстремальные принципы в естествознании и их философское содержание. Л., 1977.

2. Безопасность информационная // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006. 1100 с.

3. *Breitvet P.* Горбачев. Крах советской империи: пер. с англ. М., 2012. 400 с.

4. *Быков А.К.* Сущностная интерпретация государственной политики в области патриотического воспитания молодежи // Формирование российской идентичности и патриотизма как консолидирующей основы полиэтничного социума: сб. науч. работ. Ростов н/Д.; Ставрополь, 2010. 106 с.

5. *Дегтярев А.К., Черноус В.В.* Гражданская идентичность в пространстве националистического дискурса // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3. С. 16–0.

6. *Дугин А.Г.* Сетевые войны: аналитический доклад Александра Дугина при участии Валерия Коровина и Александра Бовдунова Изборскому клубу [Электронный ресурс]: URL: <http://dynacon.ru/content/articles/2319/> (дата обращения: 10.09.2014).

7. *Зиновьев А.А.* Распутье. М., 2005. 319 с.

8. *Каширин В.И.* Гуманитарная кризисология: истоки и специфика // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2, 3.

References

1. *Aseev V.A.* Ekstremal'nye printsipy v estestvoznanii i ikh filosofskoe sodержanie. L., 1977.

2. *Bezopasnost' informatsionnaia // Globalistika: mezhdunarodnyi mezhdistsiplinarnyi entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. I.I. Mazur, A.N. Chumakov. M.; SPb.; N'iu-Iork, 2006. 1100 s.*

3. *Breitvet R.* Gorbachev. Krakh sovetskoi imperii: per. s angl. M., 2012. 400 s.

4. *Bykov A.K.* Sushchnostnaia interpretatsiia gosudarstvennoi politiki v oblasti patrioticheskogo vospitaniia molodezhi // Formirovanie rossiiskoi identichnosti i patriotizma kak konsolidiruiushchei osnovy polietnichnogo sotsiuma: Sb. nauch. rabot. Rostov-na-Donu; Stavropol', 2010. 106 s.

5. *Degtiarev A.K., Chernous V.V.* Grazhdanskaia identichnost' v prostranstve natsionalisticheskogo disskursa // Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 2011. № 3. S. 16–20.

6. *Dugin A.G.* Setevye voiny: analiticheskii doklad Aleksandra Dugina pri uchastii Valerii Korovina i Aleksandra Bovdunova Izborskому клубу [Elektronnyi resurs]: URL: <http://dynacon.ru/content/articles/2319/> (дата обращения: 10.09.2014).

7. *Zinov'ev A.A.* Rasput'e. M., 2005. 319 s.

8. *Kashirin V.I.* Gumanitarnaia krizisologiya: istoki i spetsifika // Gumanitarii Iuga Rossii. 2014. № 2, 3.

9. *Каширин В.И.* Ноосферный патриотизм как концепт культуры времени // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 6.

10. *Крушанов А.А.* Современный образ мира: признаки скрытой виртуализации // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2004. С. 108–142.

11. *Павловский В.В.* Ювентология: Проект интегративной науки о молодежи. М., 2001. 304 с.

12. *Розен Р.* Принцип оптимальности в биологии. М., 1969.

13. См. подборку статей о дискуссии по социальной архаизации: *Философские науки*. 2012. № 6.

14. *Степанянц М.Т.* Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии. 2012. № 1.

15. *Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В.* Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 31–35.

9. *Kashirin V.I.* Noosfernyi patriotizm kak kontsept kul'tury vremeni // Sotsial'no-gumanitarnye znaniia. 2012. № 6.

10. *Krushanov A.A.* Sovremennyi obraz mira: priznaki skrytoi virtualizatsii // Virtualistika: ekzistentsial'nye i epistemologicheskie aspekty. M., 2004. S. 108–142.

11. *Pavlovskii V. V.* Iuventologiya: Proekt integrativnoi nauki o molodezhi. M., 2001. 304 s.

12. *Rozen R.* Printsip optimal'nosti v biologii. M., 1969.

13. См. подборку статей о дискуссии по социальной архаизации: *Filosofskie nauki*. 2012. № 6.

14. *Stepaniants M.T.* Kul'tura kak garant rossiiskoi bezopasnosti // Voprosy filosofii. 2012. № 1.

15. *Tkhagapsoev Kh.G., Chernous V.V.* Reintegratsiia postsovetskoi Rossii: pregrady i puti preodoleniia // Nauchnaia mysl' Kavkaza. 2013. № 4. S. 31–35.